

ББК 63.3(2)614

И.Н. Шагдурова

**Проблема административно-политического устройства
в общественно-политической мысли бурят
в первой четверти XX в.**

I.N. Shagdurova

**The Problem of the Administrative-Political Organization
in the Socio-Political Thought of Buryats
in the First Quarter of the XXth Century**

Рассматривается проблема административно-политического устройства в общественно-политической мысли бурят в первой четверти XX в.

Ключевые слова: инородцы, панмонголизм, аймак, хошун, инородная управа, степные думы, волостные правления, теократическое государство, дацан, лама, балагатское движение.

This article is devoted to the problem of the administrative-political organization in social and political thought of the Buryats in the 1st quarter of the XXth century.

Key words: native people, pan-mongolism, aimag, khoshun, native people's council, steppe dumas, volost board, theocratic state, datsan, lama, Balagat movement.

В начале XX в. проблема административно-политического устройства национальных окраин страны становится одной из наиболее актуальных государственных проблем. Эта проблема в совокупности с другими сформировала так называемый инородческий вопрос в России. В общественно-политической мысли России предпринимались активные поиски путей его решения. Наиболее точно в начале XX в. обобщил эти поиски А.А. Сидоров, который писал: «Есть два пути решения этого вопроса: путь для все большего объединения наших инородческих окраин с центральными частями государства и распространения на окраинах русской культуры и путь предоставления этим окраинам самостоятельных учреждений и права пользоваться в этих учреждениях местными языками. Эта самостоятельность и обособленность окраин одними понимается уже, другими – шире, но, во всяком случае, конечной станцией на этом втором пути является предоставление инородческим окраинам национальных автономий, а затем и превращение России в федеративное государство» [1, с. 273–274]. Власть пошла по первому пути, и в 80-х гг. XIX в., в период правления Александра III, в правительстве возобладала идея незыблемости самодержавия, недопустимости каких-либо политических преобразований существующего правления, централизации власти и ограничения прав местного самоуправления. Правительство исходя из этих идей активно приступает к политике русификации национальных окраин. Так, начинается процесс превращения Польши в Привисленский край, замены местных органов управления в Прибалтике общеимперскими. Та же административная политика проводится и в отношении народов

Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Сибири [2, с. 80]. Правительство приступает к унификации системы управления, к созданию единообразных органов управления по всей стране.

Для бурят новая административная политика нашла свое проявление в том, что, с 1886 по 1890 г. власть приступила к преобразованиям органов самоуправления бурят, созданных по административной реформе М.М. Сперанского. Для бурят, проживающих в Иркутской губернии, вместо степных дум были введены инородные управы, более мелкие административные единицы [3, с. 290]. Это было сделано с целью ликвидации крупных административных ведомств, возглавляемых степными думами, которые, по представлениям власти, таили в себе потенциальную опасность сепаратизма. Для бурят, проживающих в Забайкалье, был принят закон «Об общественном управлении и суде инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г., по которому также были ликвидированы все органы самоуправления, введенные по реформе М.М. Сперанского. Вместо них были введены волостные правления, общие с русским населением. Начатые властью административные преобразования в корне меняли уклад жизни бурят, что глубоко взволновало их и вызвало в начале XX в. пробуждение общественно-политической мысли. В ней был разработан ряд проектов административного устройства. Иркутские буряты, например, в начале XX в. предложили проект совместного с русским населением земского самоуправления. Среди забайкальских бурят диапазон идей административного устройства оказался более широк: от полного неприятия новой реформы до требований ее введения

и др. Так, группа забайкальских бурят, получившая название «стародумцы», во главе с последним хоринским тайшой Эрдэни Вамбоцыреновым настаивала на возврате старых органов самоуправления, введенных по реформе М.М. Сперанского.

Другая группа, которая сформировалась в основном из представителей должностных лиц, назначенных по новой реформе, выступала за сохранение органов волостного правления. В январе 1906 г. эта группа получила свое организационное оформление в «партию прогрессивных бурят» в селе Агинском на совещании членов учредителей. В числе организаторов партии были: хамбо-лама Ч. Ирелтуев, депутат Второй Государственной думы Б.-Д. Очиров, и.о. профессора Восточного института Г.Ц. Цыбиков, врач Б. Ямпиров и др. Ими была разработана политическая программа партии, которая была опубликована в журнале «Сибирские вопросы» (1907. №6) [4, с. 162]. По вопросу административного устройства «прогрессисты» выступали за сохранение органов волостного правления и введение земского самоуправления. Программа также утверждала необходимость уравнивания в правах бурятской ламаистской (буддийской) церкви с православной. Вскоре после создания партии Г. Цыбиков в газете «Даль» опубликовал две статьи под названием «По бурятскому вопросу», в которых выступал против возвращения старых органов самоуправления по Уставу 1822 г., утверждал о необходимости ликвидации старых родовых отношений и сохранении новой административной реформы [5, с. 38].

Третья группа под названием «народники» в лице Ц. Жамцарано, Б. Барадина и других предложила проект, во многом совпадавший с позицией «стародумцев». В основе проекта сохранялась трехступенчатая система самоуправления, которая существовала по реформе Сперанского, но вместо родового управления вводился булук, а следующие ступени те же: инородческая управа, дума. Булук – низшая административная единица на уровне рода. Инородческая управа объединяет несколько булуков, дума – несколько управ. Деятельность думы контролируется думским собранием, а для решения наиболее важных вопросов жизни бурят всей области собирается областной съезд [6, с. 51]. Последнее дополнение являлось совершенно новым элементом в старой системе самоуправления.

В рассматриваемый период поиском путей административно-политического устройства занималась в основном немногочисленная бурятская интеллигенция, о которой американский ученый Роберт Рупен писал: «Из этой малой народности, большая часть которой до 1917 г. была неграмотной, вышла группа интеллигенции, чье влияние простиралось далеко за пределы их родины на Внешнюю Монголию и Тибет и на небольшие районы Барги (Маньчжурия) и Урянхай...» [7, р. 384]. При этом бурятская интеллигенция была далеко не едина в своих

взглядах по вопросу административно-политического устройства бурят. Так, в 1907 г. развернулась полемика между Ц. Жамцарано и М.Н. Богдановым на страницах журнала «Сибирские вопросы» по указанной проблеме, в ходе которой они образовали два идейных течения: «западников» (М.Н. Богданов) и «народников» (Ц. Жамцарано). Эта полемика выявила два пути административно-политического развития, принципиально отличающиеся друг от друга: западный и восточный. Ц. Жамцарано в серии статей в журнале «Сибирские вопросы» в течение 1906–1908 гг. выразил взгляды бурятских «народников». Их взгляды складывались под влиянием идей русского народничества, которые, как известно, идеализировали русскую общину. Бурятские народники в административном устройстве большое значение также придавали бурятской родовой общине. Они считали, что благодаря ее сохранению и совершенствованию бурятам удастся избежать капитализма и перейти к социализму. Жамцарано предлагал наряду с общиной сохранять и развивать дальше традиционное кочевое скотоводство. Но, прежде всего, – считал он, – необходимо культурное возрождение народа, которое предполагало расширение сети школ, создание национальной литературы, искусства, науки. Подъем культуры народа он предлагал осуществлять через широкую просветительскую деятельность бурятской интеллигенции. Основным условием возрождения бурятского народа в целом является национальная консолидация на основе общности языка, культуры, религии. При этом он большие надежды возлагал на буддизм, его культурный арсенал. Он видел в дацанах «центры просвещения» и призывал всемерно развивать количество школ при них, поднять дацанское образование до западноевропейского уровня. «Буддизм в глазах народа стал убежищем для национального духа, а православие – символ обрусения и насилий», – писал он [8, с. 20–21]. Идеи Жамцарано вызвали резкую критику со стороны М.Н. Богданова, который в то время являлся лидером национального движения иркутских бурят. В 1907 г. Богданов в статье «Бурятское возрождение» осудил Жамцарано за попытку заменить шаманство у иркутских бурят буддизмом, утверждая, что буддизм не искоренит первую религию, что тибетская медицина, которую принесет с собой буддизм, без тщательного изучения «посредством точных методов европейской науки» не даст ожидаемого эффекта, а просветительская роль дацанов не поднимет культурный уровень населения Бурятии. Далее он пишет: «Нужно помнить, что мы живем не в эпоху средневековья, когда каждая маленькая национальная группа могла жить внутри своей ячейки совершенно изолированно от внешнего мира, а в XX в., когда процесс капиталистического развития разрушает почти все национальные различия, какими бы китайскими стенами они ни отгораживались» [9, с. 43]. В ответных

статьях Жамцарано утверждает, что бурятский народ в условиях капитализма имеет шанс сохраниться и возродиться. «Но так ли уж беспощаден капитализм к национальным, бытовым и культурным особенностям, так ли велика и всемогуща нивелирующая роль капиталистического процесса... Не одни экономические силы двигают человечество, есть и другие, не менее мощные факторы, как личности, религии, творческий дух и пр.», – возражает Жамцарано [10, с. 18].

Полемика между Жамцарано и Богдановым вызвала живой интерес к ней не только со стороны бурятской интеллигенции, но и видных русских общественных деятелей. Так, Д.А. Клеменц, хорошо знакомый с культурой, бытом бурят и монголов, выступил с критикой в адрес М.Н. Богданова в статье «Пессимизм на бурятской почве», где он осуждает его за неверие в культурное возрождение бурят в условиях капитализма. Он пишет: «Мы просили бы нашего автора указать нам, какие национальности были раздавлены капитализмом хотя бы в ближайшие сто лет» [10, с. 18]. Но по вопросу о религии в жизни бурят он разделял точку зрения М.Н. Богданова и в то же время он указывал, что буддизм имеет обширную литературу, а также сочинения по основам некоторых наук и вовсе не может мешать прогрессивному развитию бурятского народа. Особенно возмутили Клеменца заключительные строки статьи Богданова, что лучшие дни бурятского народа миновали. Именно в этом он видел причины пессимизма бурятской интеллигенции.

В 1907 г. Жамцарано, продолжая полемику с Богдановым, в статье «Народническое движение бурят и его критик» выдвигает идею «культурного панмонголизма». Он пишет: «Для нас, бурятских народников, верующих в свой народ, в возможность и неизбежность – культурного “панмонголизма”, иркутские буряты – это маленькая часть монгольского народа, есть только одна из ближайших точек для приложения силы, для проведения идеи возрождения. Буряты, как часть большого монгольского народа, имеющего письменность и своеобразную литературу, не могут в угоду обрусительной политике порвать со своей историей и со своим целым» [8, с. 16]. Он считал, что бурятский народ должен объединяться и развиваться на основе монгольских традиций, обычаев, языка, культуры. Богданов же, напротив, считал, что буряты должны объединяться и развиваться на основе русской и западной культуры и писал: «Мы не должны ограничиваться реставрацией только стародавних обычаев. Многие из последних уже отжили свое время и подлежат лишь сдаче в этнографический архив. Нам нужно из душевной атмосферы этнографических коллекций выйти на свежий воздух социальной политики. Истинный патриотизм состоит не в том, чтобы судорожно держаться за свое прошлое, но в том, чтобы вести свой народ “вперед и выше, все вперед и выше!”» [11, с. 45]. Как видим, два выдающихся деятеля бурятского

народа предлагали совершенно противоположные направления его дальнейшего развития. Очень меткую характеристику взглядам сторон дал ближайший друг М.Н. Богданова, историк Н.Н. Козьмин: «К этому времени среди значительно выросшей в числе бурятской интеллигенции наметились два течения, напоминающие прежний раскол русской интеллигенции на славянофилов и западников. Одно течение можно, по аналогии, назвать монголофильским, другое – западническим» [12, с. 24]. Эта полемика имела большое значение в определении пути дальнейшего административно-политического развития бурят. Один путь тяготел к западу (России), другой – к востоку (Монголии). В начале XX в. других предложений и проектов по административному устройству в общественно-политической мысли у бурят мы не обнаруживаем. Власти в это время довольно легко сломили сопротивление со стороны бурят и провели новую административную реформу, в основе которой была положена унификационная политика.

Совершенно другая картина предстает перед нами в 1917 г. После Февральской революции проблема административно-политического устройства инородцев Сибири приобретает особенную остроту. В Бурятии вновь развернулось национальное движение, новое развитие получила общественно-политическая мысль. Свержение царизма создало условия для разработки новых проектов административно-политического устройства бурят, которые содержали уже требование национальной автономии. Первый такой проект был представлен 23–25 апреля 1917 г. на первом общепанмонгольском съезде, созванном Временным организационным бурятским комитетом. М.Н. Богдановым был разработан и обнародован на съезде «Проект бурятской национальной автономии». Проект содержал идею объединения бурят Иркутской и Забайкальской областей в одно целое, а также идею о том, что в местах компактного проживания бурят необходимо провести административно-территориальное деление по схеме сомон–хошун–аймак. Проект предусматривал создание бурятских административных органов управления в виде аймачных, хошунных и сомонных собраний, комитетов и управ, во главе которых должен был стоять единый орган – Бурятская Национальная Дума. Высшими органами управления бурят должны были стать общенациональные съезды, Национальный совет и Центральный национальный комитет. В состав национальной автономии бурят не должны были входить представители других национальностей. Этот проект был дополнен съездом следующими идеями: 1) в области гражданских правонарушений и уголовных деяний Бурятская Национальная Дума (Бурят-Олосун Чогулган), основываясь на обычаях бурят и национальном самосознании, издает законы в пределах тех дел гражданско-уголовного характера, которые прежде были подсудны инородческому суду

по Уставу 1822 г., применение телесного наказания воспрещается навсегда, во всех национальных судебных установлениях решения выносятся на основании приговора присяжных заседателей.

Кроме того, съезд постановил принятый им Проект национальной автономии применимым и целесообразным впредь до выделения особой национальной территории для бурят, причем съезд признал необходимым настаивать на этом выделении в Учредительном собрании. На съезде проект национальной автономии получил единодушную поддержку. Также на съезде был избран высший единый орган бурятского самоуправления – Бурятский национальный комитет (Бурнацком) [13, с. 17].

Временное правительство не имело своей концепции по национальному вопросу и административно-политическому устройству народов России. В этих условиях в период двоевластия проблему административно-политического устройства буряты сами пытаются решить на практике и явочным порядком создают свои органы самоуправления. Так, в Забайкальской области были образованы Агинский, Баргузинский, Селенгинский и Хоринский аймаки с соответствующими органами управления. Ринчино, возглавивший позже Бурнацком, направил телеграмму председателю Совета министров князю Львову с просьбой санкционировать определенную апрельским съездом бурят структуру самоуправления, но она не получила поддержки Временного правительства. Бурятам предлагалась только культурно-национальная автономия. Бурятскую интеллигенцию не устраивала идея культурно-национальной автономии инородцев. В рассматриваемый период они поддерживали программу партии эсеров, которая не только признавала право наций на самоопределение, но и выступала за предоставление малым народам широкой национальной автономии. Еще в ноябре 1910 г. в центральном органе эсеров «Власть труда» М. Борисовым было предложено идею областной или территориальной автономии, утвержденную конференцией эсеров в 1917 г. в Петрограде, дополнить идеей экстерриториальной, персональной автономии.

Эсеры видели будущую Россию в виде федеративной демократической республики, объединяющей в едином, добровольном союзе различные формы автономии. Идеология эсеровской партии в это время была весьма популярна в среде бурятской интеллигенции. Почти все ее представители становятся членами эсеровской партии: Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Э.-Д. Ринчино, М.Н. Богданов и др. [6, с. 81–82]. Следует отметить, что программа сибирских эсеров имела областническую окраску, хотя существовали определенные разногласия между областниками и эсерами по основным вопросам: о власти, войне и мире, земле и другом, но в этот период они выступали единым фронтом.

Еще в начале века сибирские областники выступали в защиту инородческого населения Сибири, поднимали «инородческий вопрос» в России. Г.Н. Потанин, идеолог сибирских областников, в статье «К инородческому вопросу» писал: «Инородцы имеют право организовать свои инородческие комитеты, на которые будут возложены функции земских учреждений, т.е. заведывание своими школами, больницами, сельскими дорогами и пр. Этим комитетам должна быть уступлена часть земских и других угодий края, чтобы они были в состоянии создать свои финансы, чтобы было на что содержать общественные учреждения и общественные организации. Кроме того, на эти комитеты должна быть возложена особая миссия – защита духовных нужд племен, защита его национальных и региональных особенностей» [14]. Эти идеи сибирских областников способствовали тому, что сибирские инородцы в это время повсеместно стали создавать национальные органы самоуправления и горячо поддерживать идею автономии Сибири. Так, с помощью областников были образованы Алтайская горная дума с ее Кузнецким отделом, Хакасский национальный комитет. Сибирские областники стремились к тому, чтобы создать Сибирскую областную думу как орган управления автономной Сибирью. В августе 1917 г. областники созвали конференцию по созыву общесибирского областнического съезда, на которой Бурнацком представлял Б. Вампилун. Он же участвовал в работе первого съезда областников в Томске 8–17 октября 1917 г. На съезде было принято решение, что автономная Сибирь должна включать в себя всю территорию на восток от Урала, в том числе киргизский край – Казахстан. Автономная Сибирь должна стать частью Российской Республики на федеративных началах [15, с. 116].

Идеи и поддержка сибирских областников укрепляли решимость бурятских лидеров в создании национальной автономии. На третьем общепурятском съезде 5–15 октября 1917 г. в Верхнеудинске Бурнацком представил документ под названием Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской и Иркутской губерний, который представлял собой переработанный Проект бурятской автономии М.Н. Богданова. По Статуту высшей властью у бурят объявлялся общенациональный съезд, а между съездами – Национальный совет, исполнительным органом власти – Центральный национальный комитет и его Иркутский отдел. На местах должны были создаваться аймачные, хошунные, сомонные собрания, комитеты и управы, которые становились низовыми звеньями управления. Территориально, хозяйственно и административно буряты в пределах аймаков отделялись от соседнего русского населения, подчиненного уездным органам власти [16, л. 3]. Съезд одобрил Статут и принял постановление настаивать перед Временным

правительством на введении среди бурятского населения земства в пределах существующих аймаков. После съезда Бурнацком приступил к реализации решений съезда.

В начале 1918 г. в Иркутске при помощи Центросибиря организовалась группа бурятских большевиков, возглавляемая М.М. Сахьяновой, в состав которой входили: Г. Данчинов, Ф. Осодоева, С. Николаев, Е. Зонхоев, В. Трубачев, М. Ербанов, И.В. Ченкиров и примкнувшие к ним левые эсеры Н.Н. Махочкеев, Д. Убугунов, И. Рампилов, М. Забанов и др. Эта группа выступала за административно-политическое устройство бурят на основе установления советской власти в Бурятии. Группа развернула полемику с Иркутским отделом Бурнацкома по данному вопросу. В газете «Власть труда» (орган Иркутской организации РСДРП(б)) Сахьянова изложила взгляды бурятских большевиков на административно-политическое устройство бурят в статьях: «Национальный вопрос и русская революция», «К бурятскому съезду», «Итоги бурятского съезда». В них утверждалась идея о необходимости создания единых с русским населением Советов и об отказе от обособленного административно-политического устройства. Так, Сахьянова писала: «Примером того, как пролетариат борется против национально-сепаратистских стремлений крупной и мелкой буржуазии, служит резолюция съезда украинских совдепов, которая говорит, что Украинская республика не национальная, а краевая – Украинская советская республика, объединяющая все национальности, населяющие Украину, и входящая в состав Всероссийской Федеративной советской республики. Так, и только так, может быть разрешаем национальный вопрос в нашей Советской республике, как его решают наши товарищи украинцы» [17].

В период Гражданской войны и иностранной военной интервенции в Бурятии лидеры национального движения выдвигают идею административно-политического устройства в составе «панмонгольского», т.е. общемонгольского государства. Эта идея предполагала выход бурят из состава Российского государства и объединение их с другими монгольскими народами в едином самостоятельном государстве. Э.Д. Ринчино в письме Даши Сампилону писал: «Монголия южная, северная и западная с включением бурят образует самостоятельное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуты к границам Забайкалья с обменом земель» [18, с. 124].

Для воплощения этой идеи в жизнь М.Н. Богданов, имевший большой опыт по землеотводным операциям, в 1918 г. изыскал место в Маньчжурии (Китай) и организовал туда переселение довольно большого количества бурят, которые до сих пор живут там и называются шэнэжэнскими бурятами. Как видим, Богданов к этому времени в корне изменил свои взгляды. Идею

создания единого монгольского государства активно поддерживал атаман Г.М. Семенов. 25 февраля 1919 г. при его помощи в Чите была созвана конференция представителей монголоязычных народов, где было объявлено об образовании Великого Монгольского государства в составе Внутренней и Внешней Монголии, Барги и Бурятии с автономным управлением и единым централизованным правительством. Было сформировано Временное правительство во главе с Ничи-Тойном, влиятельным хутуктой (князем) из Внутренней Монголии, выработана конституция. Столицей объявлен был Хайлар. Нэйсэ-гэгэн (Ничи-Тойн) обратился к Версальской мирной конференции с декларациями, в которых просил мировое сообщество поддержать и признать образование нового государства. В работе этой конференции принимали участие Э-Д. Ринчино, Д. Сампилон, Б. Вампилун, Ц-Е. Цыдыпов. После конференции Э-Д. Ринчино пишет статью «Великие державы и независимость Монголии» (1919 г.), в которой, проанализировав вопрос с разных сторон, утверждает, что серьезных препятствий и возражений со стороны великих держав по образованию Великого Монгольского государства не предвидится. Однако правительство Нэйсэ-гэгэна, не успев сформироваться, вскоре распалось. Его глава с остатками своего войска ушел во Внутреннюю Монголию, где был арестован китайскими властями и расстрелян [19, л. 20]. Попытка образования панмонгольского государства потерпела поражение. Но сама идея сохранялась еще довольно продолжительное время. Ц. Жамцарано в 1921 г., в период образования Монгольской Народной Республики, разработал так называемую Кяхтинскую платформу для монгольских общественных деятелей в качестве программного документа, принятого 1 марта 1921 г. В этом документе также проводится мысль об объединении всех монгольских племен, образования ими единого государства и вступления последнего в состав Китайской федерации на договорных началах [20, с. 63.] Этот документ свидетельствует о том, что у бурятской интеллигенции и в этот период сохранялись идеи административно-политического устройства бурят на основе панмонгольской идеи.

В период Гражданской войны появился еще один проект административно-политического устройства бурят – это образование теократического государства. Он сформировался в результате возникновения так называемого теократического движения. Поводом к его появлению послужил объявленный Бурнардумой (Бурнацком в 1919 г. был переименован в Бурнардуму) призыв бурят в национальное войско. Бурнацком пытался создать свою национальную армию и собрал национальное формирование под названием «Саган-Цагда». Объявленный призыв вызвал возникновение и развитие в бурятском обществе теократических идей, которые выдвинул лама Лубсан Самдан Цыденов

(1842–1920). Еще в начале XX в. он вместе с хамболой тибетского монастыря Гумбум Джаякса-гэгэном организовал движение в бурятском ламаизме, которое состояло в уходе их последователей из официально существующих монастырей в места, отдаленные от людей и монастырей, для того, чтобы основать там новые общины для изучения настоящей тантрической практики. По их мнению, действующие монастыри изучали и практиковали не истинное учение Будды, а его искаженные формы. Лама Цыденов как руководитель этого движения носил титул дхарма-раджа (царь учения). Лама Цыденов выступил с резким протестом против призыва в национальную армию и предложил всем, кто не желает быть призванным, присоединиться к его движению. Так, чисто религиозное движение приобрело политический характер, в результате чего родилась идея образования теократического бурятского государства наподобие Тибета.

Выступления Цыденова получили довольно широкий отклик в массах. О желании стать подданными объявленного им государства заявляли многие сомнительные сходы. 25 апреля 1919 г. по указанию Цыденова состоялось заседание 22 выборных, которые составили проект устройства автономного теократического государства под его началом. В проекте были разработаны вопросы лишь гражданского управления. Во главе гражданского управления должен стоять президент, вице-президент и восемь амбанов (министров). В проекте были изложены принципы устройства учредительного собрания, суда и охраны народной безопасности. Отдельный указ об управлении духовенством должен был быть подготовлен лично Цыденовым.

5 мая 1919 г. состоялось подношение мандала (адара) Цыденову деньгами и скотом. И в тот же день были избраны все руководители гражданского управления. Цыденов издал указ, запрещающий подчиняться призыву Бурнардумы. Вскоре он был арестован вместе со всем своим правительством. Но движение имело продолжение и в начале 20-х гг. получило название – балагатское движение, последователи которого позже отказывались подчиняться Бурят-Монгольскому автономному управлению, отказывались платить налоги, отделялись от основной части ламаистов, строили отдельные дацаны и продолжали развивать идеи образования теократического государства. При этом балагаты оказывали вооруженное сопротивление советской власти [21, с. 43].

Таким образом, в связи с тем, что царское правительство в конце XIX – начале XX в. приняло новую административную политику, направленную на унификацию системы управления национальных окраин, на ликвидацию местных органов самоуправления, проблема их административно-политического устройства приобрела особенно острый характер. В рассматриваемый период она вызвала у бурят возникновение и развитие в общественно-политической мысли ряда проектов административно-политического устройства. Диапазон этих проектов оказался весьма широк: от идей образования собственного государства до отказа вообще от национальной автономии. При этом следует подчеркнуть, что ведущую роль в решении проблемы административно-политического устройства бурят в этот период играла молодая бурятская интеллигенция.

Библиографический список

1. Сидоров А.А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России // Этнос и политика : хрестоматия. М., 2000.
2. Зуев М.Н. История России : учебник для вузов. – М., 1998.
3. История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1954. – Т. 1.
4. Егунов Н.П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. – Улан-Удэ, 1970.
5. Программа партии прогрессивных бурят Забайкалья // Сибирские вопросы. – 1907. – №20.
6. Шагдурова И.Н. Очерки из истории развития общественно-политической мысли бурят в 1-й четверти XX века. – Улан-Удэ, 1999.
7. Rupen Robert. Buryat intelligentsia // For Eastern Quarterly. – 1956. – Т. 15. – №3.
8. Жамцарано Ц. Народническое движение бурят и его критик // Сибирские вопросы. – 1907. – №21.
9. Богданов М.Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. – 1907. – №3.
10. Клеменц Д.А. Пессимизм на бурятской почве // Сибирские вопросы. – 1907. – №10.
11. Богданов М.Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. – 1907. – №3.
12. Козьмин Н.Н. М.Н.Богданов (из личных воспоминаний) // Жизнь Бурятии. – 1925. – №3–4.
13. Батуев Б.Б. О некоторых вопросах национально-освободительного движения в Бурятии в 1917–1919 гг. // Национально-освободительное движение бурятского народа. – Улан-Удэ, 1989.
14. Потанин Г.Н. К инородческому вопросу // Сибирская газета. – 1917. – 14 мая.
15. Демидов В.А. Сибирские областники и буржуазные националисты // Вопросы социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск, 1975.
16. Национальный архив Республики Бурятия. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 1.
17. Сахьянова М.М. К бурятскому съезду // Власть труда. – 1918. – 21 апр.
18. Элбэк-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. – Улан-Удэ, 1994.
19. Архив ФСБ Республики Бурятия. – Д. 1691.
20. Жамцарано Ц. Кяхтинская платформа // Хозяйство Монголии. – 1928. – №3(10).
21. Жуков Н.Л. Балагатское движение // Буддизм : словарь. – М., 1992.